

УДК 94(477.75):351.746.1

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ СЕВАСТОПОЛЯ В XIX ВЕКЕ

Пасечников И. А.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: info_ingvar@list.ru*

Рассматривается организация и деятельность органов политической полиции Севастополя в XIX веке. Особое внимание уделено анализу работы её органов, направленной на поддержание политического порядка и борьбу с революционным движением. Описывается развитие жандармерии в различные исторические периоды. Показаны причины создания органов политической полиции в городе. Отдельно отмечена их структура, штат сотрудников и финансирование. Дается характеристика условиям и проблемам службы. Характеризуется деятельность чинов Корпуса жандармов в годы Крымской войны. Указывается судьба городской жандармской команды в первые послевоенные годы. Выявляются причины её упразднения. Анализируется реформа политической полиции в 1867 году и её значение для Севастополя. Освещается начало борьбы с революционным и рабочим движением. Выделены наиболее яркие эпизоды политического противостояния. Представлено появление новых структурных подразделений имперской жандармерии. Объясняется факт постепенного превращения Севастополя в один из главных объектов наблюдения чинов политической полиции. Предпринята попытка определения роли жандармерии в историческом процессе на территории Севастополя в указанный период.

Ключевые слова: Таврическая губерния, Севастополь, политическая полиция, Корпус жандармов, революционное движение.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос деятельности органов политической полиции Российской империи в XIX столетии на сегодняшний день является одним из наименее исследованных в отечественной историографии. Большинство современных работ освещает функционирование дореволюционных спецслужб лишь на этапе их наивысшей активности – в конце XIX – начале XX века [1]. Значительный же период становления и развития органов государственной безопасности остается неосвещенным. Именно поэтому изучение истории деятельности политической полиции, главной задачей которой было поддержание и охранение государственных устоев, до сих пор остается весьма актуальной темой. В частности, это касается жандармерии города Севастополя, который являлся одним из важнейших военно-стратегических пунктов Российской империи.

Среди исследователей, обращавшихся к проблеме функционирования Корпуса жандармов на территории Севастополя, стоит назвать С. В. Бородину, В. И. Королёва, В. В. Крестьянникова, А. Р. Кучеренко. Однако тема деятельности органов политической полиции в XIX веке в их работах также не освещена, либо затрагивается лишь фрагментарно [2].

В то же время, подразделения жандармерии Севастополя с самого момента своего основания отличались от подобных им в других городах спецификой службы, которая оправдывалась особым статусом города – главной базы Черноморского флота империи. В XIX столетии местной политической полиции довелось пройти

через нелегкий период становления, героическую оборону города во время Крымской войны, фактическое упразднение и последующее возрождение, активную борьбу с нарастающим революционным и рабочим движением и т.д.

Таким образом, основной целью данной работы является освещение организации и деятельности органов политической полиции города Севастополя, а также определение их роли в историческом процессе на данной территории.

1. СТАНОВЛЕНИЕ ГОРОДСКОЙ ЖАНДАРМЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ

В истории российской жандармерии 1827 год ознаменовался важнейшим событием, обусловившим весь период её дальнейшего существования. 28 апреля был обнародован указ императора Николая I о создании Корпуса жандармов, как исполнительного органа III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Фактически это означало превращение данного подразделения в орган государственной безопасности империи [3, с. 250]. Согласно проекту первого Шефа жандармов генерала Александра Христофоровича Бенкендорфа, вся территория российского государства была поделена сначала на пять, а затем на восемь жандармских округов, в каждый из которых входило от пяти до восьми губерний. Таврическая губерния с 1827 по 1832 год входила в состав IV, а с 1832 по 1867 год – V жандармского округа, во главе которого стоял генерал, подчиненный непосредственно Шефу жандармов [4, с. 112]. В губернию назначался штаб-офицер в чине от майора до полковника, имевший собственную канцелярию, главной задачей которого являлся контроль над основными структурными единицами жандармерии – губернскими командами.

Севастополь, как это ни странно, стал последним городом Таврической губернии, где была специально создана отдельная жандармская команда. Хотя следует отметить, что идея о необходимости учреждения жандармской части в таком стратегически важном пункте прозвучала еще в марте 1828 года – т.е. всего через год после создания самого Корпуса жандармов. Именно тогда командующий Черноморским флотом адмирал Алексей Самуилович Грейг направил в Министерство внутренних дел специальное отношение, которое затем было передано Александру Бенкендорфу [5, л. 2]. В нём адмирал указывал на важный статус Севастополя, а также на необходимость ограждения его от явных и тайных покушений со стороны неприятеля. Из-за того же, что полицейских сил в городе было явно недостаточно, Грейг заявлял о необходимости определения в Севастополь жандармов для более бдительного надзора. К письму был приложен даже проект штата команды, в которую должны были войти 2 унтер-офицера, 12 рядовых, а также 2 нестроевых чинов (коновал и кузнечный ученик) [5, л. 3]. В целом Бенкендорф согласился с планом Грейга, «но только не в том положении, как тот полагает учредить оную». Шеф жандармов распорядился составить особое положение по этому вопросу, однако, из-за бюрократических проволочек, оно было отложено на неопределенное будущее [5, л. 4].

В то же время, исторические события явно указывали на то, что город нуждается в особом подразделении, которое бы следило за настроениями в обществе и во время бы выявляло недовольства, грозящие вылиться в открытый конфликт. Ярчайшим примером подобных волнений стал так называемый «Чумной бунт» 1830

года, когда Севастополь в течение нескольких дней фактически находился в руках восставших жителей. Тогда представители Корпуса жандармов, в лице губернского штаб-офицера майора Локателли, принимали активное участие в подавлении мятежа, розыске преступников и последующих расследованиях [6, с. 90, 109, 110]. Но даже этот эпизод не привел к своевременному учреждению в городе частей политической полиции. И лишь 7 лет спустя – 14 июня 1837 года вышел приказ военного министра о создании в Севастополе отдельной портовой жандармской команды [4, с. 113].

К середине XIX века общий штат политической полиции города был представлен 1 обер-офицером (начальник команды), 4 унтер-офицерами, 24 рядовыми и 4 нестроевыми чинами (писарь, коновал, кузнец, денщик) [7, с. 270, 271]. Стоит отметить, что в Корпус жандармов направлялись только наиболее развитые и годные к службе солдаты. В частности, в указе Николая I от 25 марта 1835 года говорилось, что на жандармскую службу следует принимать людей «здорового телосложения, роста не менее 2 аршин 4 вершков (около 160 см.) и благовидной наружности, неукоризненной нравственности, сметливых и расторопных, состоявших в военной службе не менее 5 лет, основательно знающих кавалерийскую службу при способности к оной». Еще более строгий отбор проходили кандидаты на офицерские должности. Ими могли быть офицеры с 25 лет, трезвого поведения, не имеющие долгов, принадлежавшие к дворянскому сословию. Важнейшим условием была политическая благонадежность. Не допускались в офицеры Корпуса жандармов лица, женатые на католичках, а также евреи (даже крещенные). Дополнительную проверку проходили поляки. Благоприятные перспективы были у тех, кто имел сильную протекцию или отличные рекомендации. Обязательной была подписка о непринадлежности к тайным обществам [3, с. 251].

В то же время, несмотря на столь высокие требования к кандидатам, общее положение рядовых чинов политической полиции мало отличалось от других военно-служащих. Так, они размещались в типичных воинских казармах [8, л. 1]. Положение же жандармских офицеров было более комфортным. Они получали от местной казенной палаты квартирные деньги в сумме до 1000 рублей в год [9, л. 1]. Согласно указам Правительствующего Сената, денежные выплаты должны были осуществляться и на различные служебные командировки чинов жандармерии, однако они не всегда вовремя доходили до своего прямого адресата, что вынуждало сотрудников политической полиции оплачивать необходимые поездки за свой собственный счет [10, л. 2].

Что же касается жалования чинов Корпуса жандармов, то оно было достаточно высоким на фоне других воинских подразделений Российской империи. Так начальник жандармской команды получал 800 рублей в год, унтер-офицер – от 30 до 40 руб. (в зависимости от оклада), рядовой – от 15 до 25 руб. Из нестроевых чинов писарь зарабатывал 60 рублей в год, коновал – 20 руб., кузнец – 20 руб., а денщик – 7 руб. 40 коп. К тому же за образцовую службу сотрудники жандармерии нередко получали премии и вознаграждения [11].

Несмотря на то, что сфера компетенции политической полиции была практически безграничной, реальная её деятельность в указанном регионе на протяжении

почти всей первой половины XIX столетия сводилась к «понуждению к исполнению законов и приговоров судов». Чины её посылались на поимку беглых крестьян, задержание беспаспортных лиц, на преследование воров, контрабандистов, «запрещенных скопищ», препровождение важных преступников и арестантов, участие в рекрутских наборах, расследование крупных пожаров и преступлений [12, с. 63]. Жандармы присутствовали в качестве временных комендантов на ярмарках, торжищах, церковных и народных празднествах, гуляньях [13, л. 1]. Офицеры обязаны были также осуществлять надзор за местным госаппаратом, докладывать в III Отделение о настроениях в местном обществе [14, л. 2].

Таким образом, период с 1837 по 1853 год можно назвать в истории органов политической полиции Севастополя временем их становления и первоначального развития. За эти годы были заложены основы организации и практической деятельности жандармерии, которая обеспечила её развитие в дальнейшем. Однако, как уже было отмечено, данный временной промежуток характеризовался относительной стабильностью и отсутствием серьезных потрясений, что резко изменилось с началом Крымской войны, ставшей настоящим испытанием для сотрудников политической полиции Севастополя.

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ СЕВАСТОПОЛЯ В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Перерастание очередного русско-турецкого конфликта в войну с коалицией могущественных европейских держав и появление английской и французской эскадр в Черном море заставили чинов политической полиции города активизировать свою деятельность, чтобы не допустить действий враждебного характера и провокаций со стороны противника. Так, еще в 1853 году из Санкт-Петербурга была получена информация о том, что в Лондоне изготовлены и планируются к распространению среди населения южных областей России революционные воззвания. Жандармам предписывалось, в случае обнаружения подобных писем или листовок схожего содержания, изымать их и доставлять лично Шефу жандармов графу Алексею Фёдоровичу Орлову [15, л. 1]. В связи с этим, под негласный надзор «голубых мундиров» попали все проживающие на территории губернии иностранные подданные, а также крымскотатарское население. Особое внимание к последнему объяснялось тем, что еще с начала лета 1854 года до сведения губернского штаб-офицера полковника Александра Петровича Щербачева стала доходить информация о готовящихся мятежах среди татар, в случае высадки союзнического десанта на территории Крыма [16, л. 1]. Соответствующие проверки явных улик не обнаруживали, но констатировали тот факт, что «среди татарского населения происходит брожение умов и некоторые люди втайне сочувствуют враждебной Турции» [17, с. 282]. В то же время, сильнее всего руководство губернии обеспокоило донесение о возможном переходе Бахчисарайского головы и близких к нему лиц на сторону неприятеля, и организации ими массового восстания. Эта информация вынудила Таврического гражданского губернатора генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Пестеля сделать распоряжение о создании специальной комиссии, возглавляемой начальником Севастопольской жандармской команды Ильей Ивановичем Сизовым, для подробного расследования этого дела. Прибывшим в Бахчисарай членам комиссии никаких сле-

дов заговора выявить не удалось, о чём Сизов официально заявил в своем рапорте, сделав в конце вывод, что вся информация основывалась на ложных слухах, не подтверждающихся фактами. Но, несмотря на это, чины политической полиции и в дальнейшем продолжали сохранять за всеми подозрительными лицами строгий надзор [18, л. 85, 87].

Осада союзниками Севастополя и введение в губернии военного положения привели к тому, что городская жандармская команда в скором времени была, как предполагалось, временно переведена подальше от мест боевых столкновений – в Симферополь. Однако, несмотря на это, её чины регулярно командировались в оборонявшийся город [19, л. 1]. Непосредственной их задачей здесь было поддержание порядка и исполнение различных поручений [20, л. 1]. Так, жандармы выявляли в среде местного населения вражеских лазутчиков, провокаторов и лиц, сотрудничавших с войсками союзников. Всего за время крымской кампании ими было задержано значительное число жителей, служивших неприятелю в качестве разведчиков и проводников, а также тех, кто промышлял разбоем и мародерством [21, л. 194]. Кроме этого, чины политической полиции вместе с казаками и солдатами Крымско-Татарского эскадрона направлялись на пути для предотвращения самовольных потрав полей, «различных насилий и разбоя» [22, с. 138].

Отдельного упоминания заслуживает борьба сотрудников политической полиции с дезертирами. Согласно секретному предписанию нового губернатора – графа Адлерберга, полковник Щербачев сделал распоряжение, чтобы чины подведомственных ему команд разыскивали скрывающихся дезертиров и представляли их в комендантское управление. Распоряжение это стало ответом на участвовавшие слухи о действовавших в окрестностях Симферополя и Севастополя 300 бывших солдатах, которые, разделившись на шайки, занимались воровством и грабежами. Данные слухи хотя и не нашли фактических подтверждений, но чинам политической полиции всё же удавалось задерживать отдельных дезертиров. Активности «голубых мундиров» в этом деле способствовало и то, что за каждого пойманного беглеца они получали денежное вознаграждение [23, л. 7].

Севастопольские жандармы использовались также в качестве срочных курьеров для доставки особо важных секретных приказов и донесений. Кроме этого, они назначались для отправки в войска пакетов с различной информацией. При подобных командировках им выделялся эскорт из нескольких казаков. В то же время, жандармы и сами выступали в качестве сопровождающих высоких военных чинов и их экипажей [24, с. 54]. Надо отметить, что эта служба носила довольно опасный характер. Свидетельством этому может быть рапорт главы V жандармского округа генерал-майора Николая Петровича Черкесова начальнику штаба Корпуса жандармов генерал-лейтенанту Леонтию Васильевичу Дубельту от 5 сентября 1855 года, в котором он сообщал о возвращении из плена рядового Севастопольской жандармской команды Кохана, который ранее был захвачен противником вместе с экипажем князя Меньшикова [25, с. 155].

Таким образом, деятельность чинов политической полиции Севастополя в годы войны была не только исключительно напряженной, но и довольно опасной. Кроме всего прочего, существенные трудности им создавали проблемы снабжения и задерж-

ка квартирного довольствия. Так, почти на всем протяжении войны жандармские офицеры Таврической губернии оплачивали проживание из своего личного жалования, что прямо противоречило указам Правительствующего Сената [26, л. 5–10].

Но, даже несмотря на это, свои обязанности чины Корпуса жандармов продолжали активно исполнять вплоть до последних дней севастопольской обороны. Когда же верховным командованием было принято решение об оставлении Южной стороны города, «голубые мундиры» обеспечивали порядок движения войск по вновь построенному мосту. Как писал в своих воспоминаниях подпоручик Тобольского пехотного полка Евгений Романович Корженевский: «стоявшие на всем протяжении моста жандармы обязаны были наблюдать, чтобы отступающие войска следовали непременно через мост, в должном порядке» [27, с. 94].

После подписания 18 марта 1856 года графом А. Ф. Орловым мирного договора в Париже, по решению властей Таврической губернии, именно офицеры жандармерии должны были принять передачу России ранее занятых противником городов и территорий. Севастопольская жандармская команда под руководством штабс-капитана Николая Евстафьевича Беловодского была направлена в Евпаторию для введения здесь полицейского надзора и общего устройства. Также, временно расквартировавшись в городе, чины политической полиции стали разыскивать оставшихся бродячих иностранцев, и, под угрозой ареста, высылать их за границу через порт Евпатории [22, с. 223, 228].

Рассматривая описанную выше деятельность жандармских чинов в период 1853–1856 годов, можно сделать вывод, что Крымская война стала первым серьезным испытанием, возложившим на политическую полицию Севастополя новые обязанности различного характера, и ставшим своеобразным рубежом в истории, разделившим период становления со временем её дальнейшего развития.

3. СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ЖАНДАРМЕРИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Разрушение Севастополя и временная потеря им стратегического значения, как военной базы, привела к тому, что отпала надобность и в существовании здесь отдельной жандармской команды. В то же время, расформировывать данное подразделение начальство явно не спешило. Так в 1857 году из Евпатории Севастопольская жандармская команда была переведена в Симферополь, где разместилась в местных казармах [20, л. 1]. Затем в 1858 году её командируют в Феодосию для наблюдения за возведением Московско-Феодосийской железной дороги. Здесь она находилась под руководством начальника железнодорожного полицейского управления полковника Корпуса жандармов П. П. Рындина вплоть до апреля 1861 года, после чего была расформирована за ненадобностью. Её чины и имущество впоследствии были распределены по вакансиям в другие жандармские команды. Это означало фактическую ликвидацию органов государственной безопасности Севастополя [28, л. 1–2].

В течение шести последующих лет в город лишь изредка командировались представители других жандармских команд. Но всё изменилось после проведенной в 1867 году реформы политической полиции Российской империи. Согласно новому «Положению о Корпусе жандармов», на территории Таврической губернии упразд-

нялись, действовавшие с первой половины XIX века, Симферопольская и Керченская жандармские команды, а также канцелярия губернского штаб-офицера. Взамен них было учреждено единое Таврическое губернское жандармское управление (ТГЖУ). В Севастополе же создавалось управление помощника начальника ТГЖУ, имевшего права эскадронного командира и отвечавшего также за Евпаторийский и Ялтинский уезды (до апреля 1888 года) [29]. Кроме того, с 1871 года в местном порту появилась отдельная жандармская команда для осмотра паспортов всех прибывающих и убывающих лиц [30, с. 160]. Нижние же чины политической полиции, набранные преимущественно из рядовых бывших жандармских команд, в регионе были представлены унтер-офицерами, несшими службу в отдельных населенных пунктах [29].

Для наблюдения за железными дорогами и охраны важных составов с конца декабря 1866 года были утверждены жандармские полицейские управления железных дорог (ЖПУЖД). Таврическая ветка строящейся Лозово-Севастопольской железной дороги с 14 августа 1872 года находилась во временном ведении ЖПУЖД Московско-Киевской и Курско-Азовской железных дорог, а с 1873 года была подчинена Харьковскому жандармскому полицейскому управлению. В Севастополе же было учреждено специальное отделение данного управления, отвечавшее за участок от Мелитополя до, собственно, Севастополя длиной 314 верст (около 335 км). Ежегодное содержание штата отделения было отнесено на счет частного Общества Лозово-Севастопольской железной дороги [31, с. 119–120].

Согласно реформе, несколько изменялись и официальные обязанности сотрудников политической полиции. Жандармы с этого времени назначались: для обнаружения и расследования преступлений исключительно политического характера; для содействия местным властям в охране порядка и внутренней безопасности; для осмотра паспортов в портах и пограничных местах империи; для надзора за содержащимися в тюрьмах государственными преступниками; для охранения внешнего порядка, благочиния и общественной безопасности в районе железных дорог [30, с. 17]. Кроме того, «Положение» обязывало сотрудников жандармерии иметь самую точную информацию о происходящих событиях на вверенной им территории. Так, помощник начальника жандармского управления в Севастопольском градоначальстве совершал объезды подведомственной ему территории 1 раз в 2 месяца, фиксируя общее положение и всяческие изменения. Начальник отделения жандармского полицейского управления железных дорог лично осматривал всё полотно вверенного ему участка дороги 1 раз в месяц [30, с. 15]. Нижние чины совершали регулярные пешие обходы местности, ведя два журнала: в одном фиксировались различная информация и слухи, а во втором – сведения о собственных поездках и обходах [30, с. 32]. Следует добавить, что унтер-офицеры, являвшиеся основной силой органов политической полиции, в городе размещались исключительно по окраинам и слободам, чтобы иметь наблюдение за «неблагонадежной частью населения» [30, с. 22]. Особыми циркулярами жандармам также рекомендовалось вводить негласный полицейский надзор за подозрительными и неблагонадежными лицами. Не упускалось из методов и использование тайных сотрудников, формировавших постепенно развивающуюся систему агентуры [32, л. 24].

В ходе реформирования органов имперской государственной безопасности произошли изменения и в способах их комплектования. С 1870-х годов все офицеры, желавшие перейти на службу в Корпус жандармов, испытывались при Штабе Корпуса, как в нравственных качествах, так и в служебных достоинствах. Все кандидаты должны были ранее прослужить не менее 5 лет в армии и окончить курс наук не ниже средних учебных заведений [30, с. 24].

Несмотря на рост революционной ситуации в регионе, численность сотрудников политической полиции в Севастопольском градоначальстве и прилегающих к нему районах нельзя было назвать высокой. К концу 1870-х годов она составляла около 45 человек (3 офицера, 8 унтер-офицеров в городе и уездах, 3 унтер-офицера в севастопольском порту и 30 унтер-офицеров Севастопольского отделения Харьковского жандармского полицейского управления железных дорог) [31, с. 49]. Это, естественно, создавало определенные трудности, но, с другой стороны, вполне соответствовало требованиям того исторического периода

Жалование же чинов Корпуса жандармов значительно возросло, в связи с увеличением возложенных на них обязанностей. Так в 70-х годах помощник начальника жандармского управления получал 1300 руб. в год, а унтер-офицеры – 120 руб. К концу века эти цифры возросли до 2000 руб. и 200–250 руб. соответственно [33, л. 29, 38].

Как видим, предпринятая правительством Российской империи реформа политической полиции имела целью адаптировать жандармерию под реалии новой эпохи, сделать её более мобильной, профессиональной и ориентированной на наблюдение за широкими слоями населения.

Что же касается борьбы с революционным движением, то в Севастополе первые антиправительственные общества были раскрыты еще в 1875–76 годах. Тогда жандармам удалось ликвидировать кружок на мебельной фабрике Кеффели и два кружка в мастерских Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) [34, с. 85]. На конспиративных квартирах, где собирались кружковцы, политической полицией была обнаружена многочисленная народническая литература. Однако аресту подверглись лишь младшие члены кружков, руководителю же – рабочему Н. Вишневецкому удалось скрыться от преследования. Всего за период с 1875–1880 гг. в Севастополе жандармами, по подозрению в революционной деятельности, к дознанию привлекались несколько десятков человек. Среди них был Л. Маторин, обвинявшийся в распространении среди рабочих адмиралтейства запрещенных произведений. Однако дело о нем было решено в административном порядке «с выдержанием его в течение одной недели под арестом» [35, с. 20–21]. В 1878 году особый полицейский надзор был установлен над подрядчиком по работам на Лозово-Севастопольской железной дороге В. Голиковым и кондуктором Н. Лашиным, которые подозревались в распространении запрещенных книг [35, с. 24; 21, л. 24]. А в следующем году, по обвинению в тайном провозе запрещенной литературы, в городе были арестованы кондуктор Г. Высота и бывший писарь I-го Черноморского флотского экипажа И. Морозовский [35, с. 22].

Рис. 2. Обер-офицер Корпуса жандармов (1854–1855)

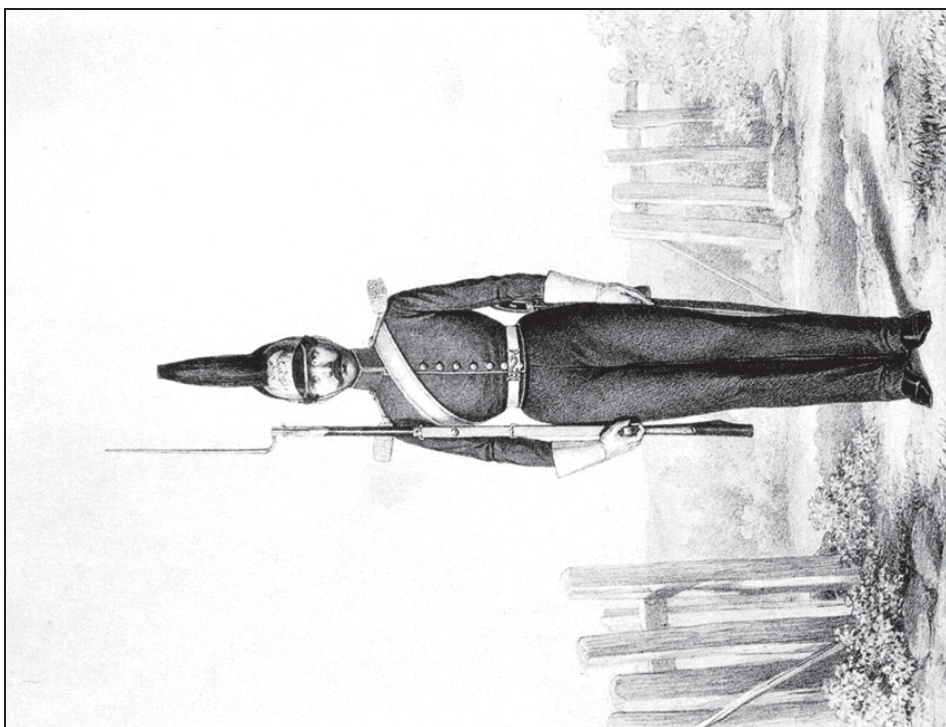

Рис. 1. Рядовой жандармских команд (1836–1845)

Рис. 4. Обер-офицер и вахмистр
Отдельного корпуса жандармов (1897 г.)

Рис. 3. Штаб-офицер, обер-офицер и унтер-офицер
Отдельного корпуса жандармов (1884 г.)

В 70-е годы XIX в. чинам жандармерии Таврической губернии пришлось впервые столкнуться и с рабочим движением. Таковым его проявлением стали стачки землекопов на строительстве Лозово-Севастопольской железной дороги в мае – начале июня 1873 года, в которых принимало участие более 500 человек [36, с. 183]. События эти настолько взволновали местные власти, что губернатор просил исполняющего должность начальника жандармского управления майора Поливанова принять личное участие в прекращении беспорядков. Прибыв 7 мая на участок в окрестностях Севастополя, он установил, что причиной недовольств является «грубость немецкого подрядчика Дрюннера, не умеющего обращаться с русским народом» [37, с. 56]. Согласно рапорту Поливанова, он, вместе с начальником Севастопольского отделения Харьковского жандармского полицейского управления железных дорог майором Хитрово, товарищем прокурора, мировым судьей, следователем, полицмейстером и директором-распорядителем железной дороги безуспешно пытался убедить рабочих вернуться к месту строительства. Однако те просили таких перемен в своих условиях, «что соглашение было невысказано» [36, с. 233]. Потеряв надежду договориться мирным путем, майор Хитрово отдал приказ арестовать шестерых зачинщиков беспорядков, которые вскоре были освобождены под обязательство остальных рабочих вернуться к строительству [37, с. 57]. Другая же стачка, произошедшая в конце мая – начале июня не носила столь массового характера и была быстро ликвидирована после ареста полицией трех зачинщиков [38, с. 188].

Подобные волнения в среде рабочих стали неожиданностью для политической полиции не только города, но и всей губернии. Так, между начальником Таврического губернского жандармского управления и прокурором окружного суда Анастасьевым произошел спор о том, считать ли данное явление за стачку. Поливанов в донесении управляющему III Отделением Н. В. Левашову настаивал, что это была именно стачка, и поэтому Таврический губернатор имел полное право выслать лидеров бастующих за пределы губернии (что впоследствии и было сделано) [37, с. 58]. Кроме того, Поливанов с сожалением доносил в Петербург, что общественное мнение в Севастополе было вполне на стороне рабочих. Объяснял же он это тем, что молодежь «заражена демократическими идеями» [38, с. 189].

В то же время, уже с начала 1880-е годов главная база Черноморского флота перестала иметь большое значение для рабочего движения. Основным интересом Севастополь представлял для нелегальных организаций лишь как перевалочный пункт «особой» литературы из-за границы в Россию, и переправки за рубеж участников движения [35, с. 25]. Это заставляло чинов Севастопольской жандармерии пристально следить за всем лицами, подозреваемыми в революционной пропаганде. Так, еще с конца 1879 года под наблюдение полиции попали служащие Лозово-Севастопольской железной дороги А. Виктор и Ф. Дроботов, подозреваемые в провозе из Симферополя в Севастополь брошюр преступного содержания и распространении их на Корабельной стороне среди рабочих [36, с. 238]. Из донесения помощника начальника Таврического ГЖУ в Севастополе И. И. Гангардта следует, что за подозреваемыми был установлен строгий надзор, в ходе которого было установлено, что эти лица получают письма не почтой, а через частных лиц, прибывающих поездами. Все полученные таким образом зашифрованные письма Дроботов

уничтожал. Однако в марте 1880 года похожую зашифрованную записку нашел на улице секретарь севастопольской полиции Битнер, и сразу же передал её Гангардту, который, в свою очередь, отправил её на дешифровку в Петербург. Как выяснилось, записка эта была написана П. Теллалову, скрывавшемуся в окрестностях Севастополя. На основании этих данных, 18 апреля у подозреваемых был произведен обыск, в ходе которого у Дроботова и Викторова были обнаружены запрещенные книги, переплетный станок и металлический шрифт. В то же время, в ходе проведенного дознания, жандармам так и не удалось доказать их причастность к революционной пропаганде и укрытии Теллалова. Поэтому, служащие железной дороги были обвинены лишь в хранении запрещенной литературы, и вследствие этого высланы в административном порядке из города [35, с. 25].

Однако поток антиправительственной пропаганды в Севастополе не иссяк. Сотрудникам полиции и жандармерии неоднократно приходилось изымать разбросанные по городу листовки. Особенно их количество увеличилось с начала 1882 года. Полковник Гангардт в начале марта сообщал Таврическому губернатору, что «в феврале были разбросаны в городе прокламации комитета «Народной воли», а позже отобраны были два номера «Рабочей газеты» возбуждающей народ к бунту» [39, л. 2]. Также 8 марта начальнику Севастопольского отделения Харьковского жандармского полицейского управления железных дорог капитану Ломаковскому был предъявлен исписанный лист бумаги с «Программой для собирания сведений в провинции», найденный сторожем на железнодорожной станции. Рассмотрев упомянутую программу, Ломаковский пришел к выводу, что она была утеряна одним из членов революционного кружка, хотя дознанием личность потерявшего не была выяснена [39, л. 4]. Затем 29 марта пятеро мещан представили в полицейское управление связку книг, газет и прокламаций найденную ими близ казармы учебной команды пограничной стражи. По «горячим следам», полиции удалось раскрыть небольшую группу пропагандистов. Однако многочисленные случаи наталкивали сотрудников политической и общей полиции на мысль, что в городе действует еще несколько революционных кружков, вероятно получавших предметы пропаганды через морской порт. В мае 1884 года ими были получены агентурным путем сведения, что 15 числа прибудет из Марселя в Севастополь пароход, на котором будет находиться тюк запрещенных книг. По прибытии в назначенный день корабля, сотрудниками жандармерии был произведен осмотр привезенного багажа. У одного из матросов был найден ящик с 45 экземплярами «Вестника» и «Календаря Народной Воли», программами рабочих, брошюрами, биографиями Желябова, Перовской, Кибальчича и другими революционными изданиями, полученными, по его словам, в Марселе от некоего Лионетти для отправки в Севастополь и выдаче «по востребованию» [37, с. 64]. Установив засаду, жандармам в тот же день удалось арестовать частного учителя И. Телепнева, явившегося за названными изданиями. При обыске его квартиры, было выявлено более 70 революционных брошюр, воззваний, программ и рукописей, фотокарточки государственных преступников, письма политических ссыльных. По поводу всех этих предметов Телепнев дал неправдоподобные показания [37, с. 65]. Однако полковник Гангардт, понимая, что Телепнев сможет вывести жандармов на след других революционных групп, велел провести более

тщательное дознание. Вскоре удалось узнать, что Иван Телепнев являлся агентом исполкома «Народной Воли» и прибыл в Севастополь еще в 1880 году. Все это время, он, под видом частного учителя, переправлял через город нелегальную литературу. Связь с исполкомом он поддерживал через учителей Пелагею и Александру Бальзам, получавших для него шифрованные письма. Он также создал среди учащихся учебных заведений кружок, где вел народовольческую пропаганду. За революционную деятельность Телепнев два года провел в Симферопольском тюремном замке под надзором жандармов, а затем был выслан на длительный срок в Сибирь [35, с. 26]. Получив в ходе дознания достаточную информацию о членах и деятельности революционных кружков, чинам политической полиции в достаточно короткий срок удалось раскрыть несколько подпольных групп [34, с. 86].

В последующие годы жандармам достаточно успешно удавалось пресекать деятельность прибывавших на главную базу Черноморского флота революционеров, которые стремились восстановить подпольные организации. Так, в 1885 году был арестован член тайной группы А. Карпенко, который пользовался большим авторитетом в революционных кругах, так как успешно создавал кружки в Екатеринославле. В этом же году были арестованы проживавшие с конца 1884 года в Севастополе Д. И. Бартенев, П. Л. Антонов и В. А. Августинович, готовившие вооруженное ограбление денежной почты под Мариуполем [35, с. 29].

Кроме революционеров, под более строгое наблюдение попали и иностранцы, особенно после разоблачения в 1888 году севастопольскими жандармами военного агента Великобритании – подполковника Герберта, у которого были изъяты различные бумаги, планы и карты города [40, л. 21].

К концу XIX столетия органы политической полиции Севастополя представляли собой достаточно эффективную структуру, усиленную к тому же созданной 26 февраля 1893 года крепостной жандармской командой [41, с. 21]. К 1897 году это новое подразделение состояло из начальника команды, вахмистра и 18 унтер-офицеров [42, с. 43; 34, с. 88]. Главными же его задачами были несение военно-полицейской службы в пределах крепости, недопущение в неё беспаспортных и подозрительных лиц, выявление возможных лазутчиков и шпионов [30, с. 13].

В своей деятельности в 90-е годы XIX в. «голубые мундиры» продолжали курс по выявлению и ликвидации подпольных организаций и отдельных государственных преступников, а также по общему наблюдению за распространяющимися идеями в обществе. Однако совсем скоро им пришлось столкнуться и с совершенствованием навыков самих революционеров, которые стали намного более осторожными в своей деятельности. Сокранию антиправительственной деятельности способствовал и неуклонный рост числа лиц, находящихся под негласным жандармско-полицейским надзором. Подобные явления вынудили чинов политической полиции активнее обратиться за помощью к информаторам и тайным агентам, главной задачей которых стало проникновение в ряды заговорщиков [43, л. 11]. Однако в таких сотрудниках ощущался явный недостаток, ведь специально обученных агентов на губернию полагалось только 2. Остальные были просто не готовы к работе на столь высоком уровне, что приводило к ситуации, когда одного опытного агента использовали для внедрения сразу в несколько подпольных групп [44, л. 2].

ВЫВОДЫ

Подводя итог всему вышеизложенному можно сделать вывод, что XIX век стал в истории севастопольской жандармерии периодом её становления, развития, преобразований и испытаний. Сформировавшись как небольшое подразделение военного типа, пройдя через тяготы военного времени, пережив фактическую ликвидацию и новое возрождение, она к концу столетия превратилась в составную часть структуры политической полиции Таврической губернии и взяла под свой контроль всю территорию Юго-Западного Крыма. Ведя непрерывную борьбу с антиправительственной пропагандой и деятельностью, жандармерия Севастополя продолжала постепенно адаптироваться к новым требованиям и вызовам, которые несла с собой будущая эпоха революционных потрясений. Однако к стремительному росту в конце века числа неблагонадежных лиц, равно как профессионализму в среде революционеров, политическая полиция оказалась не готова. Это вынуждало её искать новые пути и разрабатывать новые методы по сохранению порядка и стабильности в регионе.

Список использованных источников и литературы

1. Анисимов Н. Н. Охранные отделения и местные власти России в начале XX в. / Н. Н. Анисимов // Советское государство и право. – 1991. – № 5. – С. 119–125 ; Вязьмитипов М. Н. Жандармы и армия : политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905–1907 гг. / М. Н. Вязьмитипов // Военно-исторический журнал. – 1995. – № 1. – С. 89–93 ; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России : Учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «Историко-архивоведение» / Н. П. Ерошкин. – М. : Высшая школа, 1983. – 352 с. ; Жухрай В. М. Тайны царской охраны : авантюристы и провокаторы / В. М. Жухрай. – М. : Политиздат, 1991. – 336 с. ; Мулукаев Р. С. Политическая полиция дореволюционной России, ее реакционный, антинародный характер / Р. С. Мулукаев. – М. : Наука, 1986. – 327 с. ; Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.) / З. И. Перегудова. – М. : РОССПЭН, 2000. – 416 с. ; Щеголев П. Е. Охранники, агенты, палачи / П. Е. Щеголев. – М. : Просвет, 1992. – 330 с. ; Ярмыш А. Н. Наблюдать неотступно: административно-полицейский аппарат царизма и органы политического сыска в Украине в конце XIX – начале XX вв. / А. Н. Ярмыш. – К. : Юринформ, 1992. – 186 с.
2. Anisimov N. N. Ohrannye otdelenija i mestnye vlasti Rossii v nachale XX v. / N. N. Anisimov // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1991. – № 5. – S. 119–125 ; Vjaz'mitipov M. N. Zhandarmy i armija : politicheskij sysek i vooruzhennye sily Rossii v revoljucii 1905–1907 gg. / M. N. Vjaz'mitipov // Voennistoricheskij zhurnal. – 1995. – № 1. – S. 89–93 ; Eroshkin N. P. Istorija gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevoljucionnoj Rossii : Uchebnik dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij po special'nosti «Istoriko-arhivovedenie» / N. P. Eroshkin. – M. : Vysshaja shkola, 1983. – 352 s. ; Zhuhraj V. M. Tajny carskoj ohranki : avantjuriisty i provokatory / V. M. Zhuhraj. – M. : Politizdat, 1991. – 336 s. ; Mulukaev R. S. Politicheskaja policija dorevoljucionnoj Rossii, ee reakcionnyj, antinardodnyj harakter / R. S. Mulukaev. – M. : Nauka, 1986. – 327 s. ; Peregudova Z. I. Politicheskij sysek Rossii (1880–1917 gg.) / Z. I. Peregudova. – M. : ROSSPJeN, 2000. – 416 s. ; Shhegolev P. E. Ohranniki, agenty, palachi / P. E. Shhegolev. – M. : Prosvet, 1992. – 330 s. ; Jarmysh A. N. Nabljudat' neotstupno: administrativno-policejskij apparat carizma i organy politicheskogo syaska v Ukraine v konce XIX – nachale XX vv. / A. N. Jarmysh. – K. : Jurinform, 1992. – 186 s.
2. Бородин С. В. Севастопольское жандармское управление в борьбе с революционным движением в 1905 году / С. В. Бородин // Культура народов Причерноморья. – 1999. – № 6. – С. 283–287 ; Королёв В. И. Действовать энергично и по закону. История политической полиции Крыма / В. И. Королёв. – Симферополь : АнтикВА, 2007. – 196 с. ; Он же. Жандармы Крыма. Кто они? / В. И. Королёв // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 17. – С. 56–61 ; Крестьянников В. В. Органы политического сыска в Севастополе в конце XIX – нач. XX века / В. В. Крестьянников // Историческое наследие Крыма. – 2008. – № 21. – С. 85–89 ; Кучеренко А. Р. Діяльність адміністративно-поліцейських органів Таврійської губернії на рубежі XX ст. / А. Р. Кучеренко // Культура народів Причерномор'я. – 2006. –

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОРГАНОВ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ СЕВАСТОПОЛЯ В XIX ВЕКЕ**

№ 96. – С. 117–120 ; Он же. Полиция Таврической губернии на спаде революции (1906–1907 гг.) / А. Р. Кучеренко // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 122. – С. 25–29.

Borodin S. V. Sevastopol'skoe zhandarm'skoe upravlenie v bor'be s revoljucionnym dvizheniem v 1905 godu / S. V. Borodin // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 1999. – № 6. – С. 283–287 ; Koroljov V. I. Dejstvovat' jenergichno i po zakonu. Istorija politicheskoj policii Kryma / V. I. Koroljov. – Simferopol' : Antikva, 2007. – 196 s. ; On zhe. Zhandarmy Kryma. Kto oni? / V. I. Koroljov // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2007. – № 17. – С. 56–61 ; Krest'jannikov V. V. Organy politicheskogo syska v Sevastopole v konce XIX – nach. XX veka / V. V. Krest'jannikov // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2008. – № 21. – С. 85–89 ; Kucherenko A. R. Dijal'nist' administrativno-policejs'kih organiv Tavrijs'koj gubernii na rubezhi XX st. / A. R. Kucherenko // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2006. – № 96. – С. 117–120 ; Он же. Policija Tavricheskoj gubernii na spade revoljucii (1906–1907 gg.) / A. R. Kucherenko // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2007. – № 122. – С. 25–29.

3. Измозик В. С. Политический розыск ведет Третье Отделение (1826–1880 годы) / В. С. Измозик // Жандармы России / сост. В. С. Измозик. – СПб. : Нева ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – С. 248–278.

Izmozik V. S. Politicheskij rozysk vedet Tret'e Otdelenie (1826–1880 gody) / V. S. Izmozik // Zhandarmy Rossii / sost. V. S. Izmozik. – SPb. : Neva ; M. : OLMA-PRESS, 2002. – С. 248–278.

4. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск : в 19 ч. / А. В. Висковатов. – СПб. : тип. В. С. Балашев и Ко, 1899. – Ч. 19 : 1825–1855. – 1902. – 348 с.

Viskovatov A. V. Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzhenija rossijskih vojsk : v 19 ch. / A. V. Viskovatov. – SPb. : tip. V. S. Balashev i Ko, 1899. – Ch. 19 : 1825–1855. – 1902. – 348 s.

5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 110 (Штаб Отдельного корпуса жандармов), оп. 2, д. 145.

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF), f. 110 (Shtab Otdel'nogo korpusa zhandarmov), op. 2, d. 145.

6. Полканов А. И. Севастопольское восстание 1830 года : по арх. материалам / А. И. Полканов. – Симферополь : гос. изд-во Крым. АССР, 1936. – 147 с.

Polkanov A. I. Sevastopol'skoe vosstanie 1830 goda : po arh. materialam / A. I. Polkanov. – Simferopol' : gos. izd-vo Krym. ASSR, 1936. – 147 s.

7. Военно-статистическое обозрение Российской империи : в 18 т. – СПб. : тип. Департамента Генерального Штаба, 1837. – Т. 11. Ч. 2 : Таврическая губерния / сост. Н. Б. Герсеванов. – 1849. – 307 с.

Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii : v 18 t. – SPb. : tip. Departamenta General'nogo Shtaba, 1837. – T. 11. Ch. 2 : Tavricheskaja gubernija / sost. N. B. Gersevanov. – 1849. – 307 s.

8. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК), ф. 26 (Канцелярия Таврического губернатора), оп. 1, д. 11364.

Gosudarstvennyj arhiv v Avtonomnoj Respublike Krym (GAARK), f. 26 (Kanceljarija Tavricheskogo gubernatora), op. 1, d. 11364.

9. Ibid, д. 10816. Ibid, d. 10816.

10. Ibid, д. 20440. Ibid, d. 20440.

11. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание 2. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 : в 55 т. – СПб. : тип. 2 Отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. 11 : 1836. отд. 2. – 1837. – № 9355.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZ RI). Sobranie 2. 12 dekabrja 1825 – 28 fevralja 1881 : v 55 t. – SPb. : tip. 2 Otd. Sobstvennoj E. I. V. kanceljarii, 1830. – T. 11 : 1836. otd. 2. – 1837. – № 9355.

12. Абакумов О. Ю. «Око земного бога» : корпус жандармов на рубеже 50–60-х гг. XIX в. : традиции и новации / О. Ю. Абакумов // Освободительное движение в России. – 2000. – Вып. 18. – С. 61–78.

Abakumov O. Ju. «Oko zemnogo boga» : korpus zhandarmov na rubezhe 50–60-h gg. XIX v. : tradicii i novacii / O. Ju. Abakumov // Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. – 2000. – Вып. 18. – С. 61–78.

13. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 15168. GAARK, f. 26, op. 1, d. 15168.

14. Там же, д. 15420.

Tam ze, d. 15420.

15. Там же, оп. 4, д. 1382.

Tam ze, op. 4, d. 1382.

16. Там же, д. 1393.

Tam ze, d. 1393.

17. Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя : в 3 т. / Н. Ф. Дубровин. – СПб. : тип. тов-ва Общественная польза, 1900. – Т. 1. – 1900. – 454 с.
Dubrovin N. F. Istorija Krymskoj vojny i oborony Sevastopolja : v 3 t. / N. F. Dubrovin. – SPb. : tip. tov-va Obshhestvennaja pol'za, 1900. – Т. 1. – 1900. – 454 s.
18. ГААРК, ф. 26, оп. 4, д. 1393.
GAARK, f. 26, op. 4, d. 1393.
19. ГАРФ, ф. 110, оп. 2, д. 1684.
GARF, f. 110, op. 2, d. 1684.
20. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 22335.
GAARK, f. 26, op. 1, d. 22335.
21. Там же, оп. 4, д. 1482.
Tam ze, op. 4, d. 1482.
22. Маркевич А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны / А. И. Маркевич // ИТУАК. – 1905. – № 37. – 269 с.
Markevich A. I. Tavricheskaja gubernija vo vremja Krymskoj vojny / A. I. Markevich // ITUAK. – 1905. – № 37. – 269 s.
23. ГААРК, ф. 26, оп. 4, д. 1551.
GAARK, f. 26, op. 4, d. 1551.
24. Первых (Васильева) Д. К. Военный Крым : корреспонденции Н. В. Берга / Д. К. Первых (Васильева) // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 11. – С. 33–72.
Pervyh (Vasil'eva) D. K. Voennyj Krym : korrespondencii N. V. Berga / D. K. Pervyh (Vasil'eva) // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2005. – № 11. – S. 33–72.
25. Сидорова М. В. «В городе, благодаря Бога, все тихо и благополучно». «Записки для сведения» Л. В. Дубельта. 1855 г. / М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова // Исторический архив. – 2005. – Вып. 5. – С. 151–173.
Sidorova M. V. «V gorode, blagodarja Boga, vse tiho i blagopoluchno». «Zapiski dlja svedenija» L. V. Dubel'ta. 1855 g. / M. V. Sidorova, E. I. Shherbakova // Istoricheskij arhiv. – 2005. – Вып. 5. – S. 151–173.
26. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 20440. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 20440.
27. Корженевский Е. Р. Воспоминания о Севастополе / Е. Р. Корженевский // Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами : в 3 т. – СПб. : тип. А. Траншеля, 1872. – Т. 3. – 1872. – С. 3–103.
Korzhenevskij E. R. Vospominanija o Sevastopole / E. R. Korzhenevskij // Sbornik rukopisej, predstavlennyh Ego Imperatorskomu Vysochestvu Gosudarju Nasledniku Cesarevichu o Sevastopol'skoj oborone sevastopol'cami : v 3 t. – SPb. : tip. A. Transhelja, 1872. – Т. 3. – 1872. – S. 3–103.
28. ГАРФ, ф. 1172 (Управление 4-го округа Корпуса жандармов. 1826–1832. Управление 5-го округа Корпуса жандармов 1832–1867), оп. 1, д. 23.
GARF, f. 1172 (Upravlenie 4-go okruga Korpusa zhandarmov. 1826–1832. Upravlenie 5-go okruga Korpusa zhandarmov 1832–1867), op. 1, d. 23.
29. ПСЗ РИ. Собр. 2. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 : в 55 т. – СПб. : тип. 2 Отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. 42 : 1867, отд. 2. – 1871. – № 44956.
PSZ RI. Sobr. 2. 12 dekabrja 1825 – 28 fevralja 1881 : v 55 t. – SPb. : tip. 2 Otd. Sobstvennoj E. I. V. kanceljarii, 1830. – Т. 42 : 1867, otd. 2. – 1871. – № 44956.
30. Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний / сост. полк. Добряков. – СПб. : тип. штаба Отд. корп. жанд., 1903. – 650 с.
Kratkij sistematicheskij svod dejstvujushhih zakonopolozhenij i cirkuljarnyh rasporzazhenij, odnosjashhihsja do objazannostej chinov gubernskih zhandarmskih upravlenij po nabljudeniju za mestnym naseleniem i po proizvodstvu doznaniij / sost. polk. Dobryakov. – SPb. : tip. shtaba Otd. korp. zhand., 1903. – 650 s.
31. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов : исправлен на 15 мая 1884 года. – СПб. : тип. МВД, 1884. – 484 с.
Obshhij sostav upravlenij i chinov Otdel'nogo korpusa zhandarmov : ispravlen na 15 maja 1884 goda. – SPb. : tip. MVD, 1884. – 484 s.

32. ГААРК, ф. 26, оп. 2, д. 1321.
GAARK, f. 26, op. 2, d. 1321.
33. Там же, ф. 706 (Таврическое губернское жандармское управление), оп. 1, д. 3.
Tam ze, f. 706 (Tavricheskoe gubernskoe zhandarmskoe upravlenie), op. 1, d. 3.
34. Крестьянников В. В. Органы политического сыска в Севастополе в конце XIX – нач. XX века / В. В. Крестьянников // Историческое наследие Крыма. – 2008. – № 21. – С. 85–89.
Krest'jannikov V. V. Organy politicheskogo syska v Sevastopole v konce XIX – nach. XX veka / V. V. Krest'jannikov // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2008. – № 21. – S. 85–89.
35. Он же. Севастополь и народники / В. В. Крестьянников // Русские в истории Тавриды : материалы научно-практической конференции. – Симферополь : Московский мост, 2003. – С. 20–34.
On zhe. Sevastopol' i narodniki / V. V. Krest'jannikov // Russkie v istorii Tavridy : materialy nauchno-prakticheskoy konferencii. – Simferopol' : Moskovskij most, 2003. – S. 20–34.
36. История города-героя Севастополя : в 2 ч. / Акад. наук УССР, Ин-т истории; под ред. С. Ф. Найды. – К. : изд-во Академии наук УССР, 1960. – Ч. 1 : 1783–1917 / А. И Неделин, Е. В. Тарле, Г. И. Семин. – 1960. – 364 с.
Istorija goroda-geroja Sevastopolja : v 2 ch. / Akad. nauk USSR, In-t istorii; pod red. S. F. Najdy. – K. : izd-vo Akademii nauk USSR, 1960. – Ch. 1 : 1783–1917 / A. I Nedelin, E. V. Tarle, G. I. Semin. – 1960. – 364 s.
37. Севастополю 200 лет, 1783–1984 : сб. док. и матер. / [сост. Г. И. Ванеев, И. П. Кондранов, М. А. Коротков и др.] ; отв. ред. А. И. Сигора. – К. : Наукова думка, 1983. – 416 с.
Sevastopolju 200 let, 1783–1984 : sb. dok. i mater. / [sost. G. I. Vaneev, I. P. Kondranov, M. A. Korotkov i dr.] ; otv. red. A. I. Sigora. – K. : Naukova dumka, 1983. – 416 s.
38. Семин Г. И. Севастополь : истор. очерк / Г. И. Семин. – М. : Воен. изд-во Мин-ва обороны, 1955. – 552 с.
Semin G. I. Sevastopol' : istor. ocherk / G. I. Semin. – M. : Voen. izd-vo Min-va oborony, 1955. – 552 s.
39. ГААРК, ф. 26, оп. 2, д. 1504.
GAARK, f. 26, op. 2, d. 1504.
40. ГАРФ, ф. 102, оп. 84, д. 74.
GARF, f. 102, op. 84, d. 74.
41. Королёв В. И. Действовать энергично и по закону : история политической полиции Крыма / В. И. Королёв. – Симферополь : АнтиквА, 2007. – 196 с.
Koroljov V. I. Dejstvovat' jenergichno i po zakonu : istorija politicheskoy policii Kryma / V. I. Koroljov. – Simferopol' : AntikvA, 2007. – 196 s.
42. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов : исправлен на 15 января 1892 года. – СПб. : тип. Месника и Римана, 1892. – 356 с.
Obshhij sostav upravlenij i chinov Otdel'nogo korpusa zhandarmov : ispravlen na 15 janvarja 1892 goda. – SPb. : tip. Mesnika i Rimana, 1892. – 356 s.
43. ГААРК, ф. 26, оп. 2, д. 4318.
GAARK, f. 26, op. 2, d. 4318.
44. Там же, ф. 706, оп. 1, д. 22.
Tam ze, f. 706, op. 1, d. 22.

Пасечников И. О. Становлення і розвиток органів політичної поліції Севастополя у XIX столітті / И. О. Пасечников // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 2 – С. 125–142.

Розглядається організація і діяльність органів політичної поліції Севастополя в XIX столітті. Особливу увагу приділено аналізу роботи її органів, спрямованої на підтримку політичного порядку і боротьбу з революційним рухом. Описується розвиток жандармерії в різні історичні періоди. Показано причини створення органів політичної поліції у місті. Окремо відзначена їх структура, штат співробітників і фінансування. Дається характеристика умов і проблем служби. Характеризується діяльність чинів Корпусу жандармів в роки Кримської війни. Вказується доля міської жандармської команди в перші повоєнні роки. Виявляються причини її скасування. Аналізується реформа політичної поліції в 1867 році і її значення для Севастополя. Висвітлюється початок боротьби з революційним і робітничим рухом. Виділені найбільш яскраві епізоди політичного протистояння. Представлено появу нових стру-

ктурних підрозділів імперської жандармерії. Появляється факт поступового перетворення Севастополя на один з головних об'єктів спостереження чинів політичної поліції. Зроблена спроба визначення ролі жандармерії в історичному процесі на території Севастополя в зазначений період.

Ключові слова: Таврійська губернія, Севастополь, політична поліція, Корпус жандармів, революційний рух.

Pasechnikov I. A. Formation and development of the bodies of the political police of Sevastopol in the XIX century / I. A. Pasechnikov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2 – P. 125–142.

The article examines the organization and activities of the political police of Sevastopol in the nineteenth century. Special attention was paid to the work of its bodies. The duties of the Corps of gendarmes in maintaining political order and the struggle against the revolutionary movement had been analyzed. The activities during the Crimean War have been separately marked. An attempt to determine the role of the gendarmerie in the historical process in the Sevastopol region was made. The Special Corps of Gendarmes was the uniformed security police of the Russian Empire in the 19th and early 20th centuries. Its main responsibilities were law enforcement and state security. The responsibilities of the Gendarmes also included the execution of court orders, pursuit of fugitives, riot control, and detainment of «unusual» criminals. Gendarmes could also be assigned to assist local police and officials. Following the 1825 revolt, the new tsar, Nicholas I, created the office of the Chief of Gendarmes in July 1826 and appointed General Count Alexander Benkendorf to it; all of the Gendarmes were subordinate to the Chief. Benkendorf was also appointed Executive Director of the newly created Third Section of the Imperial Chancellery, although the office of the Head of the Third Section was not formally merged with Chief of Gendarmes until 1839. In 1827, the Gendarmerie was transformed into the Special Corps of Gendarmes, under the Chief of Gendarmes. The Commander of the Corps and Chief of Staff of the Corps were also Directors of the Third Section under the Executive Director. The Corps was divided into seven territorial Districts, six of them located in Russia and one in the Kingdom of Poland, each having a Directorate. The Main Directorate, along with additional Gubernial Directorates, was also created. As of 1867 statute, the Corps consisted of: Main Directorate; Surveillance staff; Caucasus, Warsaw and Siberia Districts; Gubernial Directorates (56); Uyezd Directorates (50); Railroad Directorates; St. Petersburg, Moscow and Warsaw divisions; Mounted units (13). In 1871, the Gendarmes acquired the right to investigate both political and criminal cases, as the judicial investigators were dismissed. Only the most competent of the Army's officers in noble ranks could join the Corps of Gendarmes. Although the Corps maintained a powerful image, its large network of informers and agents often supplied nothing more than rumors and slanders; the Gendarmes were obviously incapable of infiltrating real revolutionary organizations. In August 1880, both the Third Section and the Special Corps of Gendarmes were transferred to the authority of the Minister of Internal Affairs by proposal of Count Loris-Melikov. The office Chief of Gendarmes was inherited by the Minister, and the Commander of the Corps became his Deputy. Many Gendarme officers were transferred to then-created Department of Police. In the article the little-known sources and archival documents had been used.

Keywords: The Taurida Governorate, Sevastopol, the political police, The Corps of gendarmes, the revolutionary movement.

Поступила в редакцію 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. Е. А. Бачинская

д.и.н., в.н.с. И. В. Тункина